

ПОЛЯКОВА Наталья Борисовна

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИСКУРСА ВЛАСТИ:
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

09.00.11. – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ижевск, 2003

Диссертационная работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский университет»

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор Ольга Николаевна Бушмакина

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Борис Анатольевич Родионов

кандидат философских наук,
Алексей Михайлович Пономарев

Ведущая организация: Ижевский государственный технический
университет министерства образования
Российской Федерации

Защита состоится «____» _____ 2003г. в _____ часов на заседании диссертационного совета К 212.275.03 в Удмуртском государственном университете по адресу: 426034, г. Ижевск, УдГУ, ул. Университетская, д.1, корпус VI, ауд.208.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета.

Автореферат разослан «____» _____ 2003г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

О.В. Санникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Необходимость нового социально-философского осмысления дискурса власти обусловлена тем, что в современных обществах констатируется распад тоталитарных систем власти. Следствием социальной модификации становится изменение роли идеологического дискурса. Конструируются многообразные дискурсы власти, структурирующие социум. Последовательное разворачивание разнообразных властных концептуальных «точек зрения», формулирующих социальную реальность, привело к разъятию общественного целого и кризису общественных связей и отношений. Социальный распад доводится в философских исследованиях до состояния «атомизированных индивидов», превращающих социум в аморфную массу, где утрачиваются все социальные связи. Возникшая проблема построения отношений между властью и социумом, во-первых, - выражается в кризисе доверия к власти со стороны социальных индивидов, во-вторых, - предъясняется в дискурсе социальной критики.

Доверие становится новой и актуальной темой осмысления в современных социально-философских исследованиях. Распад объективированных социальных реальностей, сконструированных властью, тоталитарных и иллюзорных по своей природе, сопровождающий «великую трансформацию современности», превратил вопрос о доверии в перманентную трудно разрешимую проблему.

Утверждается, что наличие доверия является важнейшим компонентом всех устойчивых общественных отношений. В самом общем виде можно говорить о том, что потребность в долговременных, стабильных и обладающих всеобщим признанием структурах доверия коренится в фундаменте социального взаимодействия. Доверие становится критерием социальной классификации. Соответственно, выделяются два типа обществ - с высоким и низким уровнем доверия. Первые достигают больших успехов в развитии, так как являются добровольными объединениями, основанными на принципе доверия; тогда как вторые отмечены внутренней «десоциализацией», вследствие частичной либо полной утраты доверия, затрудняющей процессы развития и стабилизации.

Генерализованная критика, активизируемая и артикулируемая в настоящем, оказывается следствием утраты доверия. Если доверие – это всегда чувственный добровольный акт, который возникает, авансируя построенный властью дискурс обещания, то критика – это рефлексивная позиция, необходимо возникающая как следствие неполноты дискурса обещания, выражающего не-хватку доверия.

Критика понимается как работа, производимая изнутри общества его приверженцами, но подвергающими сомнению его практику и политику. Происходит выстраивание двух «разноязычных» стратегий: властного дис-

курса обещания и обратного направленного дискурса социальной критики. В результате общество начинает говорить на языках не-понимания. Индуцируются дискурсы сопротивления.

Такого рода дискурсивное рассогласование становится не только теоретической проблемой, но и проблемой выбора социальных коммуникативных практик. Исследование доверия способствует прояснению способов конструирования новых завуалированных дискурсивных стратегий легитимного утверждения власти. Критика оказывается необходимой компонентой социального дискурса, заставляющей производить новые возможности сохранения сообщества как целого.

В социально-философских науках констатация утраты осмысленного идеологического дискурса, распад целого социального дискурса, кризис доверия привели к постановке вопроса о новом осмыслении власти и ее дискурса. В этой связи становится необходимым такое рассмотрение дискурса власти, при котором сохранялась бы его целостность и связанная с ней осмысленность; и на основании которого можно было бы сконструировать новый дискурс социальной реальности как связанного сообщества, взаимодействующих социальных субъектов.

Степень изученности проблемы. Целостный подход к исследованию конструкторов дискурса власти определяет изучение социального бытия в аспекте самоконструирующейся реальности, возникающей в совместном со-бытии социальных индивидов, которое осмысливается в точке социального субъекта.

Возникают два способа социального описания власти: трансцендентный и имманентный (А.Т. Бикбов). Трансцендентная позиция прослеживается в работах М. Вебера, Г. Гегеля, Н. Лумана, К. Маркса, а также в концепциях постмодернистов, постструктуралистов, деконструктивистов - Р. Барта, Ж. Бодрийера, Ж.-Ф. Лиотара, и других.

Для традиции трансцендентализма характерны: принцип различия, наличие бинарных оппозиций, вынесение исследователя за пределы социальной реальности. Наблюдатель-исследователь властно устанавливает внешний порядок внутри социальной реальности через идеологический дискурс (Т. Адорно, Н. Луман, К. Манхейм и др.). Власть здесь традиционно интерпретируется как насилие (М. Вебер и др.), которое становится тотальным в виду понимания ее как языка (Р. Барт). Дискурс власти на пределе собственного бытия теряет смысл. Возникает необходимость введения социального субъекта в структуры социальной реальности.

В концепции П. Бурдьё осуществляется попытка перехода от трансцендентной позиции к имманентной. Стремясь уйти от объективации общества, П. Бурдьё вносит в социальную реальность не только мышление, но и социальные практики. В результате общество делится на мыслящих и немыслящих или работающих субъектов, и, в конечном счете, распадается на

исследователей и исследуемых. Исследователь оказывается внутри исследуемого объекта, но выделяется в нем своим особым статусом, что порождает оппозицию социального субъекта и социального объекта.

Формирование имманентной позиции в аспекте власти началось еще в концепции Ф. Ницше. Он рассматривал волю к власти как универсальный объяснительный принцип, характеризующий процессы непрерывного становления «жизненного мира», задаваемого как определенная интерпретация реальности мира в целом. Жизнь как воля-к-власти определяется процессами мышления, а человек становится инстанцией самоопределения власти.

М. Фуко также исходит из определения власти как знания. В своих рассуждениях о дискурсе власти он доходит до всеналичности дискурса внутри социальной реальности, когда каждый социальный дискурс оказывается дискурсом власти. Власть предстает универсальным принципом воспроизводства социального. В дискурсах власти социальное упорядочивается, определяется как взятое по отношению к себе.

Имманентный подход используется в таких современных направлениях, как конструктивизм и герменевтика.

Социальный конструктивизм представлен концепциями П. Бергера, П. Бурдьё, Э.Дюркгейма, Ф. Коркюфа, М. Каллон, Б. Латура, Т. Лукмана, А. Сикурела, А. Шюца, Н. Элиаса, С. Цоколова и др. Конструктивизм представляется в имманентном подходе при условии, что конструирующий субъект осмысливает себя в процессе конструирования. В аспекте социального конструктивизма власть рассматривается как «точка зрения» (Б. Карсенти и др.) социального субъекта, в соответствии с которой он конструирует дискурсы социальной реальности.

Другой вариант имманентного подхода, представленный герменевтическим методом (Х. Арндт, Г. Гадамер, Ж.-Л. Нанси, П. Рикер, М. Хайдеггер), предполагает целостную интерпретацию власти как внутренней потенции «со-в-местного» «со-общества» социальных индивидов. «Со-в-местность» раскрывается в самоопределении смысла как бытия. Каждый раз бытие опрашивает себя, обращается к себе в акте саморефлексии, возникает со-общение бытия с самим собой или «со-общество» как «со-бытие» бытия власти.

Со-общение «со-общества» манифестируется в дискурсе обещания (А. Селигмен). «Со-общество» в дискурсе обещания основано на доверии (А. Селегмен, Ф. Фукуяма), которое утверждается в легитимных порядках базирующихся в дискурсе традиции (Ф. Лаку-Лабарт, Ж.-Ф. Лиотар, Ж.-Л. Нанси). Разрыв дискурса доверия порождает дискурс критики (П. Слотердаик, М. Уолцер, В. Фурс и др.), заполняющий лакуны. Он предстает, с одной стороны, как саморефлексия общества, позволяющая ограничивать дискурс власти, с другой, - выстраивать новые «точки зрения» или властные конст-

рукции социальной реальности. «Местом» самопредъявления власти оказывается «точка зрения» социального конструирующего субъекта.

Согласно герменевтическому подходу, власть, являясь сущностной характеристикой человеческого существования, заключена в языке. Речевое действие (П. Рикер и др.) лежит в основе «со-в-местного» существования и манифестируется в пространстве языка как сфера публичного. Х. Арендт анализирует публичное пространство политики как явленность общественного пространства. Публичная политика (Х. Арендт, П. Бурдьё, Н. Шматко и др.) позволяет совершить политическое действие, определяющее дискурс политики (П. Бурдьё, Р. Обен, М. Пешё, Э. Пульчинелли Орланди, П. Серио, К. Фукс и др.). Внутри политического дискурса возникает необходимость утверждения власти в обращении к сообществу. Становится возможной речевая коммуникация, в пределах которой существует языковая игра властных значений, построенная на правилах использования речи, правилах риторики (Ж Буверсс, Г. Кортиан, М. Пешё, А.Н. Дмитриев и др.).

Таким образом, необходимо использовать метод, предполагающий такое рассмотрение дискурса власти, где он выступает как целостное и самоосмысленное дискурсивное действие, конструирующее социальную реальность. Это возможно в имманентном подходе, где представляется целостность социального бытия, самоопределяющегося в структурах социальной реальности через точку социального субъекта. Применение метода Ф.В.Й. Шеллинга позволяет анализировать конструкты дискурса власти в субъект-объектном тождестве.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования являются социальные отношения в социальной действительности, понимаемой как объективированная социальная реальность. **Предметом** философского анализа оказывается самоконструирование дискурса власти в пределах понимания социальной реальности как дискурсивной целостности.

Цель и задачи исследования. Цель работы состоит в представлении самоопределения и самоосмысления конструктивной способности дискурса власти в пространственно-временных структурах социальной реальности через точку социального субъекта. Для осуществления поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- определить дискурсивные порядки власти в социальной реальности;
- установить точку «со-в-местности» конструкций дискурса власти в поле социальности;
- обосновать способы социальной легитимации смысла дискурса власти;
- выделить направления «со-общения» власти как со-бытия в пространстве социальности;
- задать способ самопредставления субъекта властного дискурса в структурах социальной реальности;

- представить границы самоконструирования смысла в дискурсивных стратегиях власти.

Теоретико-методологические основы и источники исследования. Общей теоретико-методологической основой исследования социальной реальности является целостный онтологический подход, представленный в данном диссертационном исследовании в герменевтическом аспекте, который конкретизируется в методе субъект-объектного тождества. Это позволяет рассматривать социальное бытие в тождестве с языком и мышлением и выделять мыслительные конструкции дискурса власти.

На формирование концепции диссертационной работы значительное влияние оказали труды М. Хайдеггера о бытии, времени и языке, где бытие понимается в тождестве с языком и мышлением. Получили существенное развитие идеи его последователей – Г.-Г. Гадамера, Ж.-Л. Нанси и П. Рикера, связанные с проблемами интерпретации, речевого действия, текстуальности и власти. Особую роль в формировании концептуального теоретизирования в данном исследовании сыграли работы ученицы М. Хайдеггера Х. Арндт о сущности социального бытия власти.

При рассмотрении проблем доверия и критики, связанных с существованием власти в современном обществе, уделяется особое внимание концепциям таких авторов как Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Ж. Делез, Ж.-Ф. Лиотар, А. Селегмен, П. Слотердаjk, М. Уолцер, М. Фуко, В.Л. Иноземцев, Ф. Фурс и др.

Философский анализ власти и дискурса власти наиболее полно представлен в работах таких мыслителей, как Х. Арндт, Р. Барт, П. Бурдьё, М. Вебер, Т. Гоббс, С. Жижек, Э. Канетти, Н. Луман, Т. Парсонс, Э. Тоффлер, М. Фуко, Ю. Хабермас, И.П. Ильин, Н.В. Исаев, Б.И. Краснов, А.П. Огурцов, В.А. Подорога, М.К. Рыклин и ряда других.

Конструирование социальной реальности как разворачивание «точки зрения» исследователя задано в концепциях Г.-Г. Гадамера, Б. Карсенти, Ф. Коркюфа, К. Манхейма, Ю.Л. Качанова, Н.А. Шматко.

Социальность и структуры социальной реальности рассматриваются в соответствии с исследованиями У. Аутвейта, П. Бергера, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяра, Т. Лукмана, Т. Парсонса, Дж. Сорель.

В рассмотрении проблем нарративности и дискурсивности опирались на труды таких авторов, как А.Д. Айер, П. Анри, К. Арош, Й. Брокмейр, Т. А. ван Дейк, Ж. Деррида, К. Леви-Стросс, Ж. Отье-Ревю, М. Пешё, П. Серрио, Ф. де Соссюр, Н.С. Арутюнова, В.В. Красных, М.Л. Макаров, Ю.С. Степанов.

Изучению теорий, определяющих пространство социологического теоретизирования власти, посвящены работы таких исследователей, как П. Бурдьё, П. Ваггимо, М. Мерло-Понти, А.Т. Бикбов, С.М. Гавриленко, Ю.Л. Качанов, Е.Р. Ярская-Смирнова.

Поскольку в данной диссертационной работе анализируется конструирование дискурса власти в пространстве социальности, постольку нельзя было обойти стороной философские проблемы, связанные с конструктивизмом. Способы конструирования социальной реальности предлагаются П. Бергером, Д. Блура, Дж. Дестом, Э. Дюркгеймом, М. Каллоном, Ф. Коркюфом, Б. Латура, Т. Лукманом, Дж. Сереле, А. Сикурела, Ю. Давыдовым, С. Цоколовым.

При рассмотрении категорий «социальный субъект», «со-местность», «со-общение», «смысл» используются труды следующих авторов: П. Бурдьё, Ж. Бодрийяр, Ж. Гийому, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси, А. Рено, П. Рикер, Г. Фреге, М. Фуко, М. Хайдеггер, А.Л. Блинов, А.А. Брудный, Е. Гурко, А.И. Немировская, А.А. Смирнов, И.П. Смирнов.

Вследствие того, что категория «легитимация» выступает одним из основных понятий представленного диссертационного исследования, связанные с ней понятия «традиции» и «критики» выступают определяющими в конструировании дискурса власти в поле социальности. Наиболее полно они разработаны в трудах А. Данто, Г.Г. Гадамера, Г. Гегеля, Р. Ледуара, Ж.-Ф. Лиотара, П. Рикера, П. Слотердайка, М. Уолцера, Ф. Фукуямы, В.Н. Фурса.

Результаты установления абсолютной «точки зрения» как «идеи» в пространстве социума проанализированы в работах Т. Адорно, Х. Арндт, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, П. Козловски, К. Манхейма, Ж.-Л. Нанси, У. Эко, Э. Юнгера, Р.А. Витковского, М. К. Рыклина.

Политический дискурс представляет социальные стратегии субъекта дискурса власти в социальном пространстве. Его направляют и формируют правила риторики, которые манифестируются в языковых играх. Наиболее полно эти проблемы представлены в концептуальных разработках П. Бурдьё, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Г. Картиана, Ф. Коркюфа, Ж.-Ж. Куртени, Ф. Лаку-Лабарта, Р. Ледуара, М. Пешё, Р. Сенета, А.Н. Дмитриева, Н.А. Шматко и других.

Рассмотрение дискурса власти в аспекте самоконструирования социальной реальности становится возможным при использовании принципа онтологии знания Й.Ф.В. Шеллинга. Основой этого подхода является метод субъект–объектного тождества. С этой точки зрения дискурс власти можно задать в целостности и самотождественности в структурах самоконструирующегося и самопознающего социального субъекта. Данный подход позволяет решить поставленные задачи исследования и достичь выдвинутой цели.

Научная новизна основных результатов исследования состоит в следующем:

- дискурс власти предъядвляется в трансцендентном и имманентном порядках, определяющих возможность существования смысла в пределах социальной реальности;

- «со-в-местность» конструкций дискурса власти устанавливается в точке «со-общения» со-бытия поля социальности;
- социальная легитимация смысла дискурса власти обосновывается через установление законных правил властного дискурса, объективируясь в идеологии как абсолютной «точке зрения», пределом которой является террор;
- направления дискурса власти как «со-бытия» в пространстве социальности выделяются в дискурсе доверия и дискурсе критики, которые «сообщаются» через дискурс обещания, образующего возможность «сообщества» как «со-бытия» бытия социальности, актуализирующегося в «точке» автономности социального субъекта;
- самоопределение субъекта дискурса власти задается как самополагание «со-бытия» дискурса власти в политическом дискурсе, который актуализируется в «точке» субъекта;
- самоконструирование смысла представляется в границах правил риторики языковых игр властных значений, самопредъявляясь в «местоположении» социального субъекта как «точки зрения».

Теоретическая и практическая значимость полученных результатов. Теоретическая значимость работы состоит в понимании власти не как насилия, а как «со-в-местного» «со-общения» конструкций властного дискурса в поле социальности, где *statos* рассматривается как целое осмысленное «со-бытие» «сообщества». Практическая значимость заключается в возможности использования выводов, содержащихся в диссертации, в дальнейших философских, социологических и политологических исследованиях, а также в учебном процессе, например, в спецкурсе по проблемам актуализации власти в современном социальном дискурсе.

Апробация работы. Основные положения диссертации неоднократно обсуждались на кафедре философии УдГУ. Были представлены на Республиканской научно-практической конференции «Толерантность как социально-политический миф» (Ижевск, 2002), на 3 Межвузовской конференции студентов и молодых ученых (Ижевск, 2003), на Международной научно-практической конференции «Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российско-американский подход)» (Ижевск, 2003), на Всероссийской научно-практической конференции «Герменевтика в России-2» (Воронеж, 2003), на Всероссийской конференции «Информация. Коммуникация. Общество - 2003» (Санкт-Петербург, 2003), на V Всероссийской научной конференции с международным участием «Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Власть. Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX – начала XX веков)» (Омск, 2003), на VI Российской университетско-академической научно-практической конференции (Ижевск, 2003). Материалы по тематике диссертации опубликованы в ряде сборников статей и тезисов конференций.

Основные идеи диссертации нашли применение в разработке спецкурсов по политической социологии и современной философии власти.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Объем диссертации представлен на 122 страницах основного текста и 20 страницах библиографического списка, включающего 253 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационной работы, раскрывается степень ее разработанности в отечественной и зарубежной литературе, формулируются цель и задачи исследования, отмечается его научная новизна и специфика подхода к предмету изучения.

В **первой главе «Бытие дискурса власти»** задаются основные способы бытия дискурса власти в структурах социальности через порядки «со-вместного» существования властного дискурса и через способы легитимации его смысла.

В **первом параграфе «Дискурсивные позиции власти в социальной реальности»** изучаются возможности социологического теоретизирования дискурса власти.

Социальные теории представляются как мыслительные конструкции, структурированные языком, «точки зрения» исследователей, которые описывают и интерпретируют социальную реальность, предъявляя свою позицию.

Современные социально-философские исследования задают две позиции социального конструирования дискурса власти: трансцендентную и имманентную. С позиций трансцендентализма позиция дискурса власти задается трансцендентным субъектом, который выбирает «местом» предъявления своей «точки зрения» социальную реальность. Здесь дискурс власти оказывается насильственным насаждением социального порядка, который устанавливается идеологическим дискурсом формируемым социальным субъектом. Согласно имманентному подходу дискурс власти является внутрисложенным в социальной реальности. Поскольку дискурс выражает присутствие социальной реальности в ее целостности, которая тождественна неделимому смыслу, постольку дискурс власти наполняет смыслом всю социальность.

Имманентная позиция, определяемая герменевтическим подходом, дополненным принципом социального конструктивизма, позволяет анализировать дискурс власти как дискурсивную конструкцию социального субъекта, который находится внутри социальной реальности, и, исходя из занимаемого контекстуального «места», конструирует ее осмысление, производя себя как «точку зрения».

Таким образом, предъясвляется трансцендентная или имманентная позиция дискурса власти в зависимости от положения исследователя по отношению к социальной реальности, согласно которым происходит ее осмысление.

Во втором параграфе **«Порядок «со-в-местного» существования конструкций властного дискурса в поле социальности»** изучается конструирование дискурса власти, связанное с внутренней способностью общества к самоорганизации, определяемое конструкциями «со-в-местности».

«Со-в-местность» задается герменевтической традицией, в соответствии с которой происходит отождествление языка, бытия и мышления, что дает возможность представить бытие дискурса власти как осмысленную целостность.

В социальном пространстве «со-в-местное» существование потенциально определено бытием власти. «Со-в-местность» предстает как осмысленное бытие. В акте саморефлексии бытие обращается к самому себе, в результате чего возникает «со-общение» бытия с самим собой или «со-общество» как со-бытие бытия. «Со-общество» представляет собой конструктор присутствия. «Со-общение» бытия на границе оказывается местом самопредъявления со-бытия, проявляющегося в структурах пространства и времени.

«Со-в-местность» как со-бытие, возникающее в «точке» предела, оказывается со-положенностью смыслов в самоотношении мышления. Предел бытия представляется как дву-смысленное единство: либо власть определяется тотальностью одного; либо как дискурсивная со-гласованность является потенциальным условием актуализации «со-в-местного» существования, где власть основана на единстве смысла. Это приводит к манифестации множества «точек зрения», пересекающихся в момент говорения субъекта, свободно использующего любые речевые стратегии.

Поскольку власть самоосмысливает себя на пределе, постольку она определяется в точке пересечения пространственных объективаций «со-общества» в «со-в-местности» и временной субъективации «со-бытия» социальной реальности. Власть как единство сторон социального пространства и времени, выступает в соотношении определенной неопределенности и неопределенной определенности. Как соотносящиеся стороны они возникают на границах, где чистая определенность задает полную объективацию отношений без временной составляющей, чистая неопределенность определяет субъективацию без пространственной составляющей.

Таким образом, «со-в-местность» конструирования дискурса власти устанавливается в точке самоотношения смысла как со-бытие социального бытия.

В третьем параграфе **«Способы легитимации смысла дискурса власти»** рассматривается необходимо выстраиваемая легитимация, являю-

щаяся следствием чистой определенности или объективированности дискурса власти.

Установлены легитимных принципов дискурса власти разворачивается через «точку» дискурса обещания. Здесь социальная реальность посредством выстраивания законных правил властного дискурса, позволяющих осуществлять доверительные отношения внутри «со-общества», наполняется смыслом.

Пространство самолегитимации дискурса власти заполняет социальную реальность с помощью выстраивания дискурса традиции. В точке «со-бытия» дискурс власти саморефлексирует, находя свое значение в прошлых выстроенных позициях. В акте саморефлексии возникает критика, позволяющая бесконечно трансформировать социальное бытие дискурса власти. Обращение к традиции придает дискурсу власти значимость и авторитет, которые транслируются им в настоящее. В обращенном времени дискурс власти обретает семиотический характер, становится текстом. Он актуализируется в модальности «настоящее-в-прошлом».

Самолегитимация также полагает самоосмысление дискурса власти посредством построения идеологического дискурса, оказываясь предъяснением «точки зрения» как «идеи», которая определяет позиции положения субъекта в социальной реальности. Установление идеологического дискурса, разворачиваясь в языковых структурах, властно наполняет социальное бытие трансцендентным смыслом.

Между различными «точками зрения» возникает борьба за приоритетное предъяснение истинности описания социальной реальности. Либо они начинают «со-общаться» между собой в свободном говорении социального субъекта, либо одна из представленных «идей» начинает доминировать, утверждаясь посредством тотализации навязываемых ею языковых конструкций.

Появляется возможность тоталитарного дискурса, пределом которого является террор. Полная объективация социальной реальности приводит к тому, что она заменяется террором властного дискурса. Основным воплощением идеологического дискурса становится «атомизация» социальных индивидов и апелляция к несуществующему референту, массе. Поскольку социальный индивид рассматривается внутри властного дискурса социальности как тиражированный знак, манифестирующий массу, постольку формируется «коллективное слово». Социальная реальность выписывается как идеологический текст, заключающий в себе пустое коллективное слово, вытесняющее смысл социальной реальности как присутствия. Появляется опустошающее имплозирующее пространство симуляции, в котором, как в знаке социальности, возникает бессмыслица.

Крайней предельной «точкой» симуляции, как предъяснения несвободы и бессмыслицы является «террор», позволяющий совершить поворот к

новому осмыслению социальной реальности. Террор суть бессмысленная локация, пытающаяся достигнуть своего осмысления в момент террористического акта. Самоактуализируясь, он доводит до уничтожения пределы смыслов дискурсивности, нарушая логику мышления сложившейся «точки зрения», но в тоже время позволяет совершиться обращенности бытия дискурса власти. Момент поворота есть не осознание изменений дискурса власти, а фиксация происходящих изменений, которые возможно позволят в дальнейшем дискурсу власти саморефлектировать посредством самокритики для утверждения новых легитимных порядков социальной реальности.

Таким образом, объективация дискурса власти оказывается возможной через установление самолегитимирующих правил, основанных на традиции, что приводит к тотализации абсолютной «точки зрения», предельным состоянием которой выступает нерелексивный дискурс террора.

Во второй главе «Смыслополагание дискурсивности в структурах социальной субъективности» исследуются способы самоконструирования дискурса власти как его «со-общение» в социальной реальности через «точку» субъекта.

В первом параграфе « «Со-общение» дискурса власти в пространстве социальности» «со-общение» изучается в направлениях задаваемых дискурсом власти, - дискурс доверия и дискурс критики, - которые смыслоопределяются в точке пересечения или точке тождества, т.е. в дискурсе обещания.

Как мы полагаем, способом построения социальной реальности дискурсом власти, при котором она не потеряет своей целостности и останется осмысленной, является «со-в-местное» «со-общение» дискурса власти, основанного на дискурсе доверия, определяющего возникновение добровольного «со-общества».

Согласно имманентной традиции власть как самодискурсивная практика манифестируется и осмысливается во всех социальных дискурсах. Поскольку субъект и объект власти становятся неопределенными, постольку дискурс власти оказывается самодостаточным. Его самоконструирование происходит на пределе невыраженного субъекта и объекта, в точках его самоограничения. Такими границами являются субъективный дискурс доверия и объективный дискурс критики. Тождество, где дискурс власти становится собственным субъектом и объектом и выступает как целое и осмысленное, является дискурсом обещания.

Двумя направлениями, задаваемыми «со-общением» дискурса власти, являются дискурс доверия и дискурс критики. Утверждение дискурса доверия позволяет возникнуть добровольным «со-обществам». В акте доверия социальный индивид «до-веряет» дискурсу власти право на структурирование социальных отношений и осмысление социальной реальности. В процессе «до-верия», социальный индивид, основываясь на чувствах соли-

дарности, авансирует его значения. Направляемый в ответ дискурсу доверия дискурс обещания является выражением рефлексивных будущих самолегитимирующих значений, которые предъявляются в модальностях «настоящего-в-будущем». Дискурс доверия как чувственное решение всегда актуализирующееся в модальности «настоящего», а дискурс обещания как рефлексивный акт, осуществляющийся только в «прошлом», не-со-относится друг с другом во времени, что приводит к «разрыву», кризису до-верия и является причиной появления дискурса критики. Дискурс обещания всегда существует в «отсроченном» времени и в пространстве «отложенных» значений.

Пространство «не-до-верия» задается дискурсом критики, который является следствием недовольства, определяющим «не-хватку» воли как власти. Критика обнаруживает «не-хватку» властного дискурса обещания и лишает бытие власти полноты значений. В то же время она осмысливает эту нехватку, превращая дискурс власти в объект анализа, что приводит к индцированию новых властных дискурсов, выявляющих автономное мышление, формулируемое в «точке зрения» социального субъекта. Дискурс критики позволяет совершиться самоосмыслению дискурса власти, в «точке» саморефлексии автономного критика как социального субъекта.

Таким образом, «со-общение» направлений дискурса власти через дискурс обещания в социальности задается дискурсом доверия и дискурсом критики, что способствует возникновению «со-общества» как «со-бытия» бытия социальной реальности.

Во **втором параграфе «Субъект дискурса власти в социальной реальности»** определяется социальная реальность как языковая, представленная в «точке» социального субъекта осмысленными знаками, благодаря чему она представляет собой дискурс или текст самоосмысления власти.

Субъект дискурса власти осмысливает себя как объект с целью самообнаружения в социальном поле. Он проецирует себя как «истинный» порядок, в соответствии с которым он конструирует социальные дискурсивные практики, передвигаясь внутри языка или текста. Стратегии власти определяются как тексты познания, био-власть, политика и другие направления самоанализа власти, выражающегося в самообъективированном познании.

Бесконечное самопознание приводит к тому, что каждый дискурс власти оказывается удвоением реальности, когда становится непонятным, где объективируемая действительность, а где конструированная реальность. Действительность вытесняется новосозданиями бессмысленных знаков, т.е. превращается в симуляцию. Обесмысливание приводит к исчезновению субъекта. Поскольку дискурс власти не только создает симуляционное пространство, но и желает ему принадлежать, постольку он обращается, «со-вращая» сам себя, ниспровергаясь в воображаемое. То есть субъект и объект власти становятся неопределенными.

Однако «со-вращение» позволяет во-с-производится дискурсу власти. Через «точку» субъекта самополагается смысл дискурса власти, с одной стороны, определяется продуктивность, которая предстает источником субъективности, с другой стороны, представляется продукт, который позволяет объективировать субъективность. То есть определение структуры дискурсивности происходит в «точке» самоосмысления как «точке» субъекта дискурса власти.

Актуализация дискурса власти происходит в «точке» самоконструирования субъектом смысла, где политический дискурс как реализация дискурса власти в практических действиях оказывается способом социальной реализации философского дискурса.

Таким образом, субъект дискурса власти в акте самоконструирования представляет себя как целое осмысленное «со-бытие», актуализированное в политическом дискурсе.

В третьем параграфе «Самоконструирование дискурса власти в структуре социальной реальности» изучается самоосмысление дискурса власти, определяющееся в самоконструировании субъектом социальной реальности в процессе говорения, в области явленности языка.

Поле социальности как осмысленное «со-бытие» бытия дискурса власти является полем саморефлексии субъекта, что означает, что самоосознание им себя происходит в «место-положении» дискурсов социальности.

«Место-положение» социального субъекта как «точки зрения» манифестируется в говорении, т.е. в пространстве явленности языка. Языковая деятельность позволяет совершить политическое действие, актуализируясь в политическом дискурсе, который утверждается в «со-общении» к «со-обществу». Внутри социального пространства возникает коммуникация, использующая властно сконструированные значения. В процессе непрерывной саморефлексии эти значения бесконечно трансформируются. То есть дискурс власти определяет над языковые правила игры, которые суть правила риторики.

Таким образом, социальный субъект как «точка» смысла дискурса власти самоконструирует целостность социальной реальности, актуализируясь в политическом дискурсе благодаря властным языковым значениям.

В заключении подводятся итоги исследования, делаются выводы, намечаются дальнейшие направления работы по теме исследования.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Полякова Н.Б. Толерантность как социально-политический миф // Сборник материалов VII научно-практической конференции «Современные социально-политические технологии в сфере формирования толерантного общественного сознания». - Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. - С. 24-25.
2. Полякова Н.Б. Власть и общество: традиции монолога и диалога. // Актуальные проблемы современной России. Сб. статей / Под ред. Г.В. Мерзляковой и других. - Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003. С.105-114.
3. Полякова Н.Б. Экология социального в аспекте постмодерна. // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы). Материалы международной научно-практической конференции 13-14 мая 2003 года / Отв. ред. Г.В. Мерзлякова, научный ред. И.А. Латыпов. - Ижевск: Типография УдГУ, 2003. - С.133-137.
4. Полякова Н.Б. Дискурс террора как стратегия власти в пространстве социума. // Международная политэкономия и политические науки в аспекте глобализации (Российский и американский подходы). Материалы международной научно-практической конференции 13-14 мая 2003 года / Отв. ред. Г.В. Мерзлякова, научный ред. И.А. Латыпов. - Ижевск: Типография УдГУ, 2003. - С.164-167.
5. Полякова Н.Б. Проблема отношения критики и доверия в социальном дискурсе. // Сборник материалов научно-практической конференции с международным участием «Культура и интеллигенция в России между рубежами веков. Метаморфозы общества. Интеллектуальные ландшафты (конец XX – начало XXI века)». - Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. С.86-89.
6. Полякова Н.Б. Власть традиции в аспекте смысла. // Тезисы докладов и выступлений Всероссийской научно-практической конференции «Информация. Коммуникация. Общество - 2003». - СПб.: Издательство «Акционер и Ко», 2003. - С.330-339.
7. Полякова Н.Б. Власть традиции. // «Герменевтика в России-2». Сборник материалов / Под ред. Е.Н. Ищенко. - Воронеж: Изд-во Воронежского гос.ун-та, 2003. С. 54–55.

Подписано в печать
Тираж 100. Заказ № .
Отпечатано с оригинал-макета заказчика.

Типография Удмуртского университета.
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп.4.